Выступление А. Я. Вышинского

на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 14 ноября

Вопрос, который стоит сейчас перед Ассамблеей, представляет несомненно большой интерес и не только с теоретической стороны, но и со стороны практической. Этот вопрос выходит вместе с тем далеко за пределы юридической компетенции, потому что, в сущности говоря, вопрос, который поставлен перед нами по первой резолюции 6-го комитета, сводится к тому, чтобы не только уточнить то, что сказано в уставе о функциях Международного суда, но чтобы определить его компетенцию, что становится более важным, по отношению к другим главным органам организации Об'единенных наций и, в первую очередь, по отношению к Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности.

Если это так, то в таком случае, разумеется, данный вопрос выходит за пределы ординарного юридического или правового спора и приобретает большое политическое значение. На этой сессии Генеральной Ассамблеи мы, к сожалению, не раз уже сталкивались с попытками некоторых делегаций подвергнуть устав организации Об'единенных наций ревизии, чтобы приспособить его к тем своим задачам и целям, которые очень часто расходятся с задачами и целями организации Об'единенных наций.

Принципы, заложенные в уставе организации Об'единенных наций, очевидно, не всех сейчас устраивают в должной мере. Наоборот, для некоторых делегаций они превращаются в своего рода помеху, в препятствие для решения тех задач, которые не совпадают с задачами организации Об'единенных наций. В частности, эти делегации столкнулись с препятствием в виде правил 18-й главы устава, в которой указано, каким путем можно было бы подвергнуть устав пересмотру или изменению.

Мы рассматриваем данный случай как один из тех показателей такого рода политики, которая ведется за последнее время в организации Об'единенных наций, которая сводится к тому, чтобы под видом поправок и резолюций всякого рода попытаться изменить устав в том направлении, *какое окажется необходимым или важным* для тех или других представленных здесь делегаций.

Не будучи в состоянии, а может быть считая это просто затруднительным и слишком хлопотливым, изменять устав с соблюдением установленной процедуры и ставить вопросы об изменении устава или тех или других его частей, эти делегации, представляющие соответствующие правительства, считают, очевидно, гораздо более удобным прибегнуть к разного рода обходным способам и обходным маневрам.

Вместо того, чтобы изменить устав, пытаются принять частные решения или частную рекомендацию по какому-либо вопросу, кажущемуся отвлеченным и специфическим, как это часто бывает с юридическими вопросами, и путем такого частного решения провести необходимые изменения на практике без того, чтобы внести соответствующие изменения в устав. Это я должен сказать, чтобы определить ту исходную позицию, с которой советская делегация рассматривает и австралийский проект, видя в нем попытку путем частного решения, которое предлагается здесь принять в соответствующей резолюции за № 165, фактически внести серьезное изменение в обход устава в практику организации Об'единенных наций.

В самом деле, в этом проекте резолюции предлагается, чтобы Генеральная Ассамблея рекомендовала органам организации Об'единенных наций и специализированным учреждениям периодически пересматривать, как говорится в проекте резолюции за № 165, трудные и важные вопросы права, относящиеся к компетенции Международного суда, в частности вопросы права, относящиеся к толкованию устава организации Об'единенных наций или устава специализированных учреждений; рекомендуется запрашивать от Международного суда консультативные заключения по одобренным таким образом вопросам. Таким образом, австралийской резолюцией предлагается предоставить Международному суду право толковать устав организации.

Советская делегация считает это неправильным. Советская делегация целиком согласна с польской делегацией, возражающей против этого предложения. В данном случае получается как раз обратное тому, *о чем говорили здесь вчера, в частности* г-н Даллес, — не польская делегация механически следует за Советским Союзом, а советская делегация следует за польской делегацией, конечно, не механически, как и польская делегация делает это не механически, а по всей своей совести и по всему своему чистому разуму.

Так вот я говорю, что советская делегация считает позицию польской делегации правильной и поддерживает польскую делегацию. Правильной потому, что, как и польская делегация, мы, советские делегаты, считаем, что Международный суд не имеет права по уставу заниматься толкованием устава.

Здесь уже приводилась историческая справка о специальной комиссии, состоявшей из представителей компетентных государств, — если я не ошибаюсь, это были Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция, Бельгия, Норвегия и Югославия, которые все согласились на определенных принципиальных положениях, какие нашли свое отчеканное выражение в их докладе, известном под номером 87 от 9 июня 1945 года. Этот доклад наша советская делегация распространила среди всех делегаций. Поэтому я на него могу здесь только сослаться, не цитируя его подробно. Но я не могу не сказать, что этот доклад представляет большой принципиальный интерес как с юридической, так и с политической точки зрения.

К чему сводились в то время выводы и предложения, сформулированные представителями этих стран и только что мною отмеченном докладе юридического подкомитета? Эти предложения сводились, во-первых, к тому, чтобы каждый орган организации Об'единенных наций—Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и т. д.— сам толковал устав в процессе его применения, в процессе осуществляемой им практики. Кто применяет устав, тот и толкует устав. Что означает эта формула? Для каждого юриста эта формула элементарна. Для того, чтобы применять устав, нужно его понимать. Для того, чтобы его понимать, нужно в нем разобраться применительно к практической обстановке. Следовательно, кто призван применить устав, тот должен его правильно понять, должен правильно истолковать, ибо в данном случае, как и в других, понимание — равнозначаще истолкованию. Совершенно естественно, и так бывает во всей судебной практике любого государства, что если суд должен применить какую-нибудь статью уголовного кодекса, то он не может это сделать, если он не понимает этой статьи или неправильно ее толкует.

Странно было бы думать, чтобы судья, применяющий уголовный кодекс по тем или другим практическим случаям жизни, был бы лишен права истолковывать его так, как он его понимает. Поэтому естественно, что тот, кто исполняет устав, тот его и толкует, ибо без этого нельзя правильно его применять.

И вот та комиссия, о которой я сейчас говорил, совершенно правильно сформулировала этот принцип, который является единственно верным и надежным руководством во всякой деятельности. Что она сказала? Она сказала, что кто применяет устав, тот и толкует устав. Но как же быть в таком случае, если при применении устава различными органами возникнет какая-то коллизия? И на этот вопрос комиссия ответила, что в таком случае они, эти органы, которые столкнулись в том или другом понимании той или другой статьи устава, могут обращаться за консультативным заключением или к Международному суду, или к комитету юристов «ad hoc», или к специально созываемой по этому вопросу конференции.

Эта комиссия наметила три таких способа. Если мы обратимся теперь к резолюции австралийской делегации, то оказывается, что в ней предпочтение отдается *только одному способу, а именно обращению* за консультацией к Международному суду. Все остальные способы в ней даже не упоминаются. Это дает право считать, что, по мнению австралийской делегации и всех делегаций, которые поддерживают ее проект, преимущество в способе решения коллизионных вопросов отдается обращению к Международному суду. Это одна сторона дела. Советская делегация считает, что это неправильно. Но в этом деле есть и другая сторона, более принципиальная, а именно: в праве ли мы, как это предлагается австралийской резолюцией, предоставлять Международному суду толкование устава организации Об'единенных наций? Мы считаем, что это неправильно. Позвольте изложить вкратце наше соображение и по этому вопросу.

Большинство 6-го комитета, приняв позицию австралийской резолюции, тем самым поддержало те предложения, которые направлены на то, чтобы Международному суду предоставить право толковать устав. И таким образом, в сущности говоря, во всех тех случаях, когда будет итти речь о понимании того или другого пункта устава со стороны Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, — Международный суд будет поставлен над Генеральной Ассамблеей и над Советом Безопасности.

В самом деле, что означает предоставление Международному суду права толкования устава? Каковы будут последствия того, что Международный суд будет давать толкование устава? Это означает то, что Генеральная Ассамблея должна будет принять толкование, данное Международным судом, как обязательное для себя. Такое направление и дается, в сущности говоря, авторами австралийской резолюции; или же, наоборот, она должна будет отвергнуть толкование Международного суда. Что же получится? Здесь могут быть два случая. Первый случай — это если Генеральная Ассамблея отвергнет толкование Международного суда, не согласится с судом. В таком случае логично спросить: зачем же Генеральная Ассамблея обращалась к Международному суду, если она не желает считаться с толкованием или мнением Международного суда. Второй случай — это если Генеральная Ассамблея согласится с толкованием суда. В таком случае Генеральная Ассамблея *будет явно дискредитирована*. Придется признать, что Ассамблея менее квалифицированна и компетентна в решении вопросов, по которым Международный суд разошелся с Ассамблеей. При таких обстоятельствах не было ли бы более последовательным и логичным вообще решение всяких сложных вопросов передавать на предварительное заключение Международному суду. Но такое положение несовместимо ни с достоинством Генеральной Ассамблеи, ни Международного суда.

Мы в шестом комитете через наших представителей возражали против указанной рекомендации, считая, что принятие рекомендации, основанной на австралийском предложении, явилось бы кроме всего остального прямым нарушением устава. В самом деле, какие юридические основания для того, чтобы ввести такое новое правило, как предоставление Международному суду права толковать устав? Я вас попрошу назвать мне соответствующую статью устава. Тут выступил г-н Эватт. Я не слышал, чтобы он называл что-нибудь, кроме статьи 65-й, кроме статьи 36-й, кроме статьи, скажем, 96-й, если я не ошибаюсь. Но ведь, позвольте, в статье 36-й говорится о том, что Международный суд имеет право толкования договоров, а не устава. Но нам говорят: а разве устав не есть договор? Конечно, в широком обывательском смысле устав это есть договор. Но в юридическом смысле разница существует между уставом и договором. Если бы такой разницы не было, то незачем было бы говорить об уставе и о договоре отдельно. Между тем такая разница существует.

Если устав и можно назвать договором, то договором особого рода, — то, что называется договор «sui generis», и признаком такого особого характера является, во-первых, то, что он оказывается не двусторонним и не трехсторонним и не пятисторонним, а он является таким многосторонним и всеобъемлющим, который уже теряет свой характер соглашений в обычном смысле этого слова. Наконец, не является ли признаком этого своеобразия такого договора, этого договора «sui generis», то обстоятельство, что, например, в уставе не существует указания, в каком порядке может то или другое государство денонсировать этот договор, что является обязательным признаком, принадлежностью, как говорят юристы, всякого договора.

Если вы внимательно прочтете наш устав, то вы же должны заметить, что в уставе ООН нет статьи, которая говорила бы о денонсации устава.

Наше отрицательное отношение к предоставлению Международному суду права толковать устав вытекает из принципиального отношения к положению Международного суда как главного органа ООН к другим главным органам ООН. Конечно, вы можете сказать, что ведь все-таки существует статья 65-я. И вот здесь, даже вчера, голландский представитель, отвечая моему украинскому товарищу, говорил о том, что если статья 36-я не дает основания Шоукроссу привлекать Вышинского к Международному суду, то во всяком случае есть для этого статья 65-я. Но если он желает пользоваться статьей 65-й, то-есть правом получать от Международного суда консультацию по юридическим вопросам, то тогда ему вообще ко мне нечего обращаться, потому что если он нуждается в каких-нибудь советах юридических консультантов и специалистов, то пускай он к ним и обращается. Я в этих советах в данном положении не нуждаюсь и поэтому не имею никаких оснований ни принимать вызов Шоукросса, о чем громогласно и торжественно здесь заявил Шоукросс, ни отвергать этот вызов. Я считаю, что он обращен совершенно не по адресу и представляет собой простое сотрясение воздуха.

Таким образом, остается статья 36-я устава, которая совершенно точно определяет *компетенцию Международного суда*. Я утверждаю, что в статье 36-й устава не содержится никаких указаний на право Международного суда заниматься толкованием устава. Прошу припомнить мнение экспертов в лице подготовительной комиссии в Сан-Франциско о том, что каждый орган, исполняющий устав, и толкует устав. В этой связи можно легко понять, почему в уставе организации ничего не сказано о том, что Международный суд может заниматься толкованием устава. Так ведь нельзя, кроме того, смешивать толкование устава с консультацией: консультация, совет — это одно дело, а толкование— другое дело. Одно дело — толковать закон, а другое дело — консультироваться со специалистами или со специальным учреждением по поводу того или другого закона.

Действительно, мы имеем статью 65-ю, которая предоставляет право различным органам обращаться за консультацией к Международному суду. Но сказано: «за консультацией по юридическим вопросам». Значит, если вы теперь на этом основании утверждаете, что Международный суд имеет право давать консультации по поводу статей устава, то это должно означать не больше и не меньше, что вы считаете, что толкование статей устава и самого устава — это и есть консультация по юридическим вопросам. Но едва ли можно представить себе большее извращение действительного значения тех слов, которые употребляются, чем это допускается в данном случае. Если мы говорим относительно консультации по юридическим вопросам, то надо же иметь в виду, что толкование статей устава вовсе не является чисто юридическим делом и консультация по юридическим вопросам вовсе не является тем, что называется толкованием устава.

Возьмем конкретный какой-нибудь пример, аналогичный тем вопросам, которые здесь сейчас стараются. Вот мы спорим относительно межсессионного комитета, или так называемой малой ассамблеи. Нам говорят, что межсессионный комитет учреждается или учрежден в соответствии со статьей 22 устава. И теперь г-н Шоукросс предлагает: вы не согласны с этим, вы говорите, что это нарушение устава,—пойдемте в Международный суд, пусть Международный суд скажет, нарушили ли мы — Генеральная Ассамблея — устав или нет. Но это смешная постановка вопроса. Во-первых, не призван Международный суд решать, права или неправа Генеральная Ассамблея, принимая те или другие решения. Он не призван говорить и то, права или неправа та или другая делегация, возражающая против тех или других решений. Это вовсе не дело Международного суда, ибо мы здесь собираемся для обсуждения на свободной и равной основе без угрозы привлечения к моральной, юридической или политической ответственности перед каким бы то ни было судом,— пусть это будет хотя бы и Международный суд. Но дело в том, во-вторых, что и по существу толкование устава не есть юридическое толкование. Если вы спросите: правильно ли применена статья 22-я к межсессионному комитету, то что же на это могут ответить юристы? Они скажут: статья 22-я говорит о том, что Генеральная Ассамблея имеет право учреждать вспомогательные органы. Генеральная Ассамблея считает, что вот этот комитет есть вспомогательный орган. Следовательно, никаких нарушений статьи 22-й нет. Вот как будет рассуждать юрист.

Но политик будет рассуждать иначе. Он скажет, что морально вы действительно можете сослаться на статью 22-ю, но это формальное пользование вашим правом и формальное применение этой самой статьи политически неправильно, это не соответствует тому духу и букве устава, которой должно соответствовать каждое решение, принимаемое Генеральной Ассамблеей.

Вопрос о правильности применения в данном случае статьи 22-й не может быть решен юридическим анализом этой статьи. В этой статье ничего не сказано о том, что именно надо понимать под вспомогательными органами и является ли межсессионный комитет вспомогательным органом. Но это нельзя решать путем юридического истолкования статей устава, оторванно от толкования политического. Ведь неслучайно же даже Даллес здесь вот, с этой кафедры, разделил все мотивы и возражения на две категории — юридическую и политическую, — когда он говорил в защиту учреждение межсессионного комитета. Юристу, я говорю, поэтому здесь делать нечего, ибо этот вопрос не юридический, а в первую очередь политический вопрос, а юридический он лишь постольку, поскольку здесь нарушается дух устава, который выражен юридическими формулами, — нарушается порядок изменения устава, который выражен в его статьях, и т. д. и т. п.

Те, кто говорит, что толкованием устава должны заниматься в Международном суде судьи, забывают правило, что судьи—члены Международного суда — меньше всего должны быть подвержены политическим тенденциям.

Если, скажем, конфликт между Албанией и Великобританией начнут судьи Международного суда разбирать с точки зрения политической, то я заранее знаю, что приговор будет вынесен против Албании, потому что политические симпатии этих представляющих разные правительства судей, к сожалению, таковы же, как и их представителей в Генеральной Ассамблее, в большинство этих представителей, как мы видели, настроено так, что мы не очень можем быть в восторге от этих настроений. Но если судьи будут рассматривать вопрос юридически, то я готов положиться на их компетенцию. Отсюда вывод: толкование устава, которое является не столько делом юридическим, сколько политическим, как это видно, скажем, из вопроса относительно законности или незаконности учреждения греческой комиссии по контролю и надзору над суверенными государствами Югославией, Албанией или Болгарией,— ни с точки зрения юридических доводов, ни, в еще большей степени, с точки зрения политических доводов, — не может быть предоставлено Международному суду.

Кроме того, нельзя допустить, чтобы какому-либо органу было дано право контролировать деятельность Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности. Я утверждаю, что австралийское предложение не соответствует ни смыслу, ни духу, ни принципам нашей организации, ни началам суверенности каждого из участников этой организации, ни всему тому, что связано с понятием толкования устава, с нашей *практической работой. Ведь дело доходит* даже до того, что предлагается, чтобы Международный суд участвовал путем толкования устава ООН в формулировании таких принципиальных положений, которые представляется желательным видеть установленными на будущее. Что это означает? Это означает, что Международный суд должен быть вовлечен в ту практическую, политическую работу нашей организации, занимающейся выработкой принципов на будущее, то-есть политическими вопросами. Международный суд, оказывается, должен быть вовлечен в гущу политической работы, а значит и политической борьбы, которая сосредоточена и не может не быть сосредоточенной в органах организации Об'единенных наций.

Эта тенденция не имеет ничего общего с действительными задачами и принципами Международного суда, как это выражено в уставе. Эта тенденция является выражением стремления поломать устав, поломать его принципы.

Вот почему советская делегация считает необходимым возражать против австралийского проекта и голосовать против него.

Два слова разрешите сказать относительно другого документа, под номером 169.

Советская делегация считает неправильным предложение, содержащееся в этой третьей резолюции, — это резолюция тоже шестого комитета, составленная специальным подкомитетом на основе совместного франко-иранского предложения, — она является совершенно излишней. То, что в ней правильно,— повторяет устав организации Об'единенных наций, а то, в чем она не повторяет устав, то, где она, так сказать, проявляет свою оригинальность, — она является неправильной, противоречащей уставу. Проект резолюции исходит из утверждения, что при разрешении споров между государствами необходимо наиболее часто преимущественно обращаться в суд, как говорят, использовать услуги суда. Но мы против такой, я бы сказал, сутяжнической тенденции. 33-я статья устава говорит иное. Она говорит, что стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем не обращения в суд, а путем переговоров, путем не обращения в суд, а путем посредничества, путем не обращения в суд, а путем примирения, арбитража, который есть тоже особая форма примирения и которую не надо смешивать с судебной формой, и затем уже путем судебного разбирательства, или обращения к региональным органам или соглашениям, или иными мирными средствами по своему выбору.

Вот смотрите, каким духом проникнут наш устав, когда он в 33-й статье говорит: если возникнут между государствами споры, то постарайтесь прежде всего устранить споры путем переговоров, примирения, арбитража, посредничества и т. д. Это — дух миролюбия. Это — та благородная мысль, которая пронизывает собой устав от начала до конца.

Но эта благородная мысль кому-то не нравится. Не хотят, очевидно, чтобы в первую очередь обращались к переговорам между заинтересованными государствами, чтобы обращались к посредничеству, примирению, а уже потом, в крайнем случае, обращались к судебному разбирательству. Резолюция говорит совершенно недвусмысленно о том, что надлежит обращаться именно к судебному разбирательству в первую очередь. Она обращает внимание государств, не признавших обязательной юрисдикции суда, на необходимость признать такую обязательность, она обращает внимание государств на желательность включения в договор условий согласительного характера, предусматривающих обращение к Международному суду по преимуществу. Почему по преимуществу, я спрашиваю? На каком основании я должен по преимуществу обращаться к Международному суду, вопреки той рекомендации, которая выражена в принципе и заложена в уставе статьи 33-й о переговорах, о примирении, о посредничестве и арбитраже? Советская делегация считает, что это— надуманное предложение.

Что касается франко-иранского предложения по данному поводу, то мы не можем *признать, что оно имеет сколько-нибудь* серьезное логическое основание. Больше того, оно находится в прямом противоречии со статьей 33-й устава. Проект резолюции призывает государства, не признавшие обязательную юрисдикцию Международного суда, в соответствии со статьей 36 пункты 2 и 5 статута суда, признать такую юрисдикцию возможно большим числом государств с наименьшим числом оговорок. Но если в проекте резолюции обращается внимание на возможности, предоставляемые статьей 36, то такой призыв в резолюции Генеральной Ассамблеи является совершенно излишним. Он только повторяет то, что говорится в самой статье 36. Но естественно, что никто не желает заниматься таким пустым делом, как простое повторение. Тут есть какой-то смысл. Какой же здесь смысл? А смысл тот, что статья 36 говорит о факультативности обращения, а здесь хотят эту факультативность превратить в обязательность, что противоречит основным принципам, выраженным в преамбуле статьи 36, в той самой преамбуле, за которую было немало борьбы в подготовительном периоде, потому что есть ряд государств и в числе их Советский Союз, которые не признают и не могут признать принудительную юрисдикцию.

Куда же нас ведет это франко-иранское *соглашение по поводу этой обязательной* юрисдикции? Оно ведет к нарушению статьи 36 пункт 2 устава.

Ввиду изложенных соображений советская делегация не может присоединиться к этому соглашению, к этой резолюции и должна будет голосовать также и против этой резолюции, как находящейся в явном противоречии с установленными в этой области принципами устава.

Открытие специальной сессии конгресса США

Послание Трумэна

ВАШИНГТОН, 18 ноября. (ТАСС). Вчера открылась специальная сессия конгресса, чтобы заслушать послание Трумэна по поводу так называемой чрезвычайной помощи Франции, Италии и Австрии и мер по борьбе с инфляцией в США.

* * *

ВАШИНГТОН, 17 ноября. (ТАСС). Президент США Трумэн обратился с посланием к конгрессу по поводу так называемой чрезвычайной помощи Франции, Италии и Австрии и мер по борьбе с инфляцией в США.

Трумэн предлагает конгрессу ассигновать 597 млн. долларов для Австрии, Франции и Италии (которые, по его словам, почти истощили свои финансовые ресурсы) для того, «чтобы их экономическая и политическая системы не распались».

Трумэн обещал представить конгрессу «рекомендации относительно долгосрочной программы восстановления Европы». Трумэн в своем послании остановился на общем экономическом положении США.

«В настоящее время,— констатировал Трумэн,— инфляция зловеще угрожает достигнутому нами уровню процветания. Мы уже не можем говорить об инфляции с вызванным ею ростом цен и прожиточного минимума как о каком-то неопределенном положении, с которым мы можем столкнуться в будущем. Мы уже переживаем инфляцию, степень которой вызывает тревогу. И еще более тревожным является тот факт, что эта инфляция всё усиливается. С середины 1946 года цены на горючее возросли на 13 проц., цены на одежду—на 19 процентов, розничные цены на продовольствие — на 40 процентов».

«Мы откроем дорогу экономической катастрофе,—подчеркнул Трумэн,—если сейчас же не предпримем меры для приостановки стремительного роста цен». Далее он перечислил меры, которые, по его мнению, должны спасти положение. Эти меры предусматривают, в частности, «нормирование дефицитных потребительских товаров» и др.

ИСК ИНДЕЙЦЕВ АЛЯСКИ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ США

НЬЮ-ЙОРК, 18 ноября. (ТАСС). Национальный конгресс американских индейцев об'явил в прошлом месяце, что индейские племена тлинкит и хайда в Южной Аляске пред'явили правительству США иск, обвиняя его в том, что оно не приняло мер для охраны принадлежащих им земель от расхищения лесными компаниями, компаниями по производству рыбных консервов и горнозаводчиками. Далее индейцы обвиняют правительство в захвате или поощрении деловых кругов к захвату индейской собственности без всякой компенсации.

В иске указано, что племенам принадлежало 16 млн. акров земли, из которых из'ято 15 млн. акров.

Судебный процесс по делу о зверствах немецко-венгерских захватчиков на территории Украины и Белоруссии

ЧЕРНИГОВ, 18. (ТАСС). Вчера здесь начался судебный процесс по делу о зверствах фашистских захватчиков на территории Украины и Белоруссии.

Дело слушается в открытом судебном заседании военного трибунала под председательством генерал-майора юстиции А. И. Микляева. Государственное обвинение поддерживает генерал-майор юстиции Н. К. Дунаев.

На скамье подсудимых — 16 человек, в том числе б. командир 105 венгерской пех. дивизии генерал-лейтенант Золтан Алдя-Пап, б. командир 5 венгерской легкой пехотной дивизии генерал-майор Ласло Сабо и другие.

Все они обвиняются в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Все привлеченные к ответственности по настоящему делу,— указывается в обвинительном заключении,— осуществляли фашистскую оккупационную политику и, попирая нормы международного права, творили чудовищные злодеяния, зверства и насилия над мирным советским населением. По прямым указаниям Гитлера и предателя венгерского народа Хорти немецко-венгерские фашисты установили на Советской Украине и в Советской Белоруссии так называемый «новый порядок» — организованно истребляли и грабили жителей, разрушали и сжигали города и деревни, оскверняли и уничтожали исторические и культурные памятники, насильно угоняли советских людей на каторжный труд в Германию.

Показаниями обвиняемых и свидетелей, фотодокументами и материалами Чрезвычайной государственной комиссии установлена картина чудовищных злодеяний, которые чинили венгерско-немецкие оккупанты. По данным Чрезвычайной государственной комиссии, только в Черниговской области было расстреляно и замучено за время оккупации 103.614 мирных жителей и 24.164 военнопленных.

Сегодня с утра Военный Трибунал приступил к допросу бывшего командира 105 венгерской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Золтана Алдя-Пап.

Алдя-Пап — палач с «академическим» образованием. Он окончил академию венгерского генерального штаба, продолжительное время был военным атташе Венгрии в Великобритании. Здесь по заданию фашистских правителей Венгрии, торговавших интересами своего народа, он прощупывал настроения реакционных кругов Англии.

На вопросы, заданные обвинителем подсудимому, Алдя-Пап подробно рассказывает о событиях, предшествовавших вступлению Венгрии в позорную для нее войну на стороне Гитлера. Он показывает, что Гитлер и его банда для того, чтобы обмануть венгерский народ, не желавший войны, с провокационной целью произвели бомбардировку *города Кошице*, свалив вину за это чудовищное злодеяние на советскую авиацию. Кошице, как заявляет подсудимый, был подвергнут бомбардировке немецкими самолетами с русскими опознавательными знаками.

Прокурор: Известно ли было об этой провокации венгерскому генеральному штабу?

Подсудимый: Безусловно, ибо Хорти был в заговоре с Гитлером.

Подсудимый подробно рассказывает, как по его приказам артиллерийским и минометным огнем сжигались населенные пункты, как он лично инструктировал командиров полков и батальонов о поголовном истреблении всех заподозренных в сочувствии партизанам.

На утреннем заседании были также допрошены и другие подсудимые.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б)
«БОЛЬШЕВИК» № 21.
СОДЕРЖАНИЕ: И. М. МОЛОТОВ.— Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 года. М. Розанов. — Тридцать лет Российской Советской Республики. К. Остроумов. — Роль Советского государства в развитии социалистической экономики. Я. Миров.— Компартии Европы в борьбе за мир, демократию и независимость народов. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Л. Бычков. — Летопись борьбы за победу Великого Октября. Г. Бесфалов.— Курт Шумахер на службе англо-американской реакции.

Программа передач Центрального радиовещания на 19 ноября

19 НОЯБРЯ ВЕЧЕРОМ

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА (на волнах: 1961; 1724; 420,8; 50,36; 49,75; 25,62; 19,65 метра) — 20.00 — Очерк Щелокова «Ветеран дальневосточной индустрии». 20.20 — Эстрадный концерт. 20.50 — А. М. Горький — «Товарищ». 21.20 — Концерт по заявкам радиослушателей. 22.20 — Вторая симфония Рахманинова. 00.05 — Концерт И. Масленниковой.

ВТОРАЯ ПРОГРАММА (на волнах: 1293; 315,8; 30,61 метра) — 20.30 — Э. Синклер — «Бостон». 21.00 — Музыкальный очерк «Ипполитов-Иванов на Кавказе». 22.15 — Сцены из оперетт. 23.15 — Симфонический концерт. 00.05 — Музыка из кинофильмов.

ТРЕТЬЯ ПРОГРАММА (на волнах: 366,6 и 49,93 метра) — Монтаж оперы Глинки «Иван Сусанин». 20.35 — Трансляция концерта В. А. Давыдовой.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ

(Начало спектаклей в 7 ч. 30 м. вечера)

ГОС. БОЛЬШОЙ Т-Р — Пиковая дама.
ФИЛИАЛ БОЛЬШОГО Т-РА — Травиата.
МХАТ СССР — Дни и ночи.
ФИЛИАЛ МХАТ — Алмазы.
ГОС. МАЛЫЙ Т-Р — днем — За тех, кто в море; веч.— Русский вопрос.
ФИЛИАЛ МАЛОГО Т-РА — днем — Пигмалион; веч.— Инженер Сергеев.
ГОС. Т-Р им. ВАХТАНГОВА — Мадемуазель Нитуш.
ГОС. ЕВРЕЙСКИЙ Т-Р — Канун праздника.
Т-Р им. СТАНИСЛАВСКОГО и НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО—назн. сп. Севильский цирюльник переносится на 29/XI. Бил, действительны.
Т-Р им. МОССОВЕТА — Отелло.
ГОС. КАМЕРНЫЙ Т-Р — Жизнь в цитадели. (Премьера).

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-30-68; Партийной жизни — Д 3-39-16; Пропаганды — Д 3-33-88; Сельскохозяйственного — Д 3-10-85; Экономического — Д 3-36-82; Иностранного — Д 3-37-50; Писем—Д 3-15-69; Местной сети—Д 3-15-47; Информации — Д 3-15-80; Литературы и искусства — Д 3-38-73; Военного — Д 3-37-63; Местных газет Д 3-10-87; Науки и техники — Д 3-35-33; Критики и библиографии — Д 3-31-05; Пресс-бюро — Д 3-30-99; Секретариат — Д 3-15-64; Отдел об'явлений — Д 3-39-00; Экспедиция — Д 3-39-80.

Б 04189. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 760.